

Ли Чжэн подошел и похлопал Ян Цзыяня по плечу:

— Господин Ян, передайте профессору Дун, что лаборатория Ли Чжэна не намерена вмешиваться в его конфликт с супругами Вэнь Сюэфэн и Ма Вэньминь. Я просто предоставил им лабораторию в рамках взаимопомощи и дружбы между коллегами, ведь здоровье учителя Вэня оставляет желать лучшего, и это его последнее желание. Как младший, я не могу остаться в стороне.

Он сделал паузу, глядя на слегка изменившегося в лице Ян Цзыяня, и продолжил:

— И еще, не знаю, слышал ли профессор Дун о теории первородного греха учителя Вэня. Мне кажется, это очень интересно. Небо видит все, и иногда нельзя быть слишком жадным.

Ян Цзыянь с подозрением посмотрел на Ли Чжэна. Люди из лаборатории Дун Цзюньчэна говорили ему, что Ли Чжэн собирается устроить научное соревнование с Дун Цзюньчэном, но теперь казалось, что здесь есть что-то еще.

Ян Цзыянь хотел что-то сказать, но тут издалека медленно подъехал длинный Роллс-Ройс. Фары автомобиля мигнули в его сторону, и он прикрыл глаза от яркого света, испытывая недовольство. Но даже с его недалеким умом он понимал, что человек, управляющий такой машиной, не был обычным.

Машина медленно приблизилась и остановилась рядом с ними.

Мужчина с переднего сиденья быстро выбежал и открыл заднюю дверь.

Лян Чжэ и управляющий Фан вышли из машины.

Лян Чжэ сжал губы, а управляющий Фан улыбался с добротой.

— Ах, я так и думал, что господин Ли Чжэн задержался из-за чего-то. Он никогда не нарушает обещаний.

Холодный взгляд Лян Чжэ скользнул по Ян Цзыяню. Ян Цзыянь почувствовал, как мурашки пробежали по его жирной коже, он невольно отступил на два шага и потер руку.

— Господин... Лян.

С тех пор, как Лян Чжэ официально возглавил семью Лян, его молодое лицо, как и лица нескольких других крупных фигур Сянцзяна, часто появлялось на первых полосах экономических, развлекательных и даже некоторых политических газет. Ян Цзыянь не мог не узнать его.

— Угу, — холодно ответил Лян Чжэ, но его взгляд, обращенный к Ли Чжэну, стал теплым, как весенний день.

— Управляющий Фан попросил меня привезти вас поесть танъюань, — сказал он с серьезным выражением лица.

— Ах, наш молодой господин Лян такой застенчивый. Утром я предложил ему поесть сначала, но он отказался, настаивая, чтобы вы пришли вместе. Танъюань остыл, потом снова нагрелся, и я, видя, что время поджидает, решил приехать за вами, — управляющий Фан не оставил своему молодому хозяину ни капли лица.

За ушами Лян Чжэ появился легкий румянец, но на лице это не отразилось.

Плохое настроение Ли Чжэна, вызванное утренним неприятным инцидентом, мгновенно исчезло, и он тихо рассмеялся.

— Спасибо за ваши усилия, господин Лян и управляющий Фан. Давайте поедим сейчас, — сказал он, поворачиваясь к Ян Цзыяню. — Господин Ян... может, присоединитесь к нам?

Ян Цзыянь затряс головой, как болванчик:

— Нет... нет, спасибо.

Ах, он знал, что господин Лян присутствовал на открытии лаборатории Ли Чжэна, но он не ожидал, что их отношения настолько близки. Есть танъюань вместе — это привилегия, доступная только для семьи.

— У меня есть дела, я пойду.

Ему нужно было выяснить, что за грязь между лабораторией Дун Цзюньчэна и лабораторией Ли Чжэна. Если он сможет уладить конфликт, это будет лучше всего. Получив деньги, он сможет завязать отношения с обеими сторонами. Если нет... Ян Цзыянь мельком взглянул. Старик Дун Цзюньчэн не все рассказал, и он не вернет задаток.

— Господин Ли Чжэн, садитесь в машину. Эти танъюань были сделаны лично господином Ляном, каждый из них похож на маленького белого толстячка, просто очаровательны, — управляющий Фан улыбался.

Ли Чжэн с удивлением посмотрел на Лян Чжэ, уголки губ которого слегка приподнялись, явно довольный комплиментом управляющего Фана.

— Хорошо, я обязательно попробую танъюань, сделанные лично молодым господином Ляном, — сказал Ли Чжэн, садясь в машину.

— Танъюань, танъюань, символ единства. Пусть каждый Новый год мы будем вместе, как сейчас!

В столовой семьи Лян управляющий Фан специально поставил маленький круглый стол рядом с большим длинным столом. Трое сидели вокруг маленького стола, создавая ощущение настоящего единства.

Ли Чжэн чувствовал, что в этих словах что-то не так, но в данной ситуации он не мог ничего возразить.

Управляющий Фан разложил танъюань и поднял чашку:

— За наше единство.

— За наше единство.

Трое подняли чашки, и Лян Чжэ украдкой взглянул на Ли Чжэна. Видя, что Ли Чжэн не возражает против слов управляющего Фана, на его обычно бесстрастном лице появилась редкая искра радости, а румянец распространился от ушей до шеи.

Он был как бутылка газировки, которую встряхнули, и маленькие пузырьки начали

подниматься из глубины его сердца, становясь все быстрее и больше.

Если каждый год он сможет быть с Ли Чжэном, сама мысль об этом заставляла его чувствовать себя теплым, и дыхание становилось легче.

Ли Чжэн почувствовал на себе «горячий» взгляд Лян Чжэ, сначала удивился, а затем почувствовал странное удовлетворение.

Он объяснил это себе как реакцию на то, что его ценят, — эмоцию, называемую «радость».

— Предки семьи Лян из Нинбо, поэтому на Новый год у нас всегда была традиция есть танъюань. Когда господин и госпожа были живы, они сами делали танъюань и сами их готовили, а теперь только я, старик, могу приготовить их для молодого господина.

После того как они поели танъюань, управляющий Фан лично начал мыть посуду. По его словам, это было завершение: сам сделал танъюань, сам помыл посуду — это был полный цикл.

Лян Чжэ мыл быстрее всех, нахмурившись, он просто сполоснул посуду и отнес ее на кухню.

Таким образом, в столовой остались только управляющий Фан и Ли Чжэн.

— Я действительно рад, что у молодого господина есть такой друг, как вы. Каждый раз, когда он видит вас, его глаза светятся, как когда он был ребенком и видел, как господин и госпожа возвращаются домой. У этого ребенка тяжелая судьба...

Управляющий Фан долго говорил, а Ли Чжэн молча слушал, его сердце наполнилось еще большей жалостью к Лян Чжэну.

И когда Лян Чжэ вернулся после того, как отнес посуду, он встретил «сочувствующий» взгляд Ли Чжэна.

*

— Почему не получается! Почему до сих пор не получается! Это невозможно! Это невозможно!

Из лаборатории №2 раздался хриплый крик мужчины. Вэнь Сюэфэн с налитыми кровью глазами смотрел на белых мышей в стеклянной посуде.

Ма Вэньминь глубоко вдохнула:

— Вэнь Фэн, прошел только месяц. Не торопись.

Для сложного научного проекта месяц — это всего лишь капля в море, совершенно незначительная.

— Месяц? Сколько у меня еще осталось месяцев? Вэньминь, у меня нет времени!

С течением времени состояние Вэнь Сюэфэна становилось все хуже. Физическая боль, усталость и постоянные неудачи подрывали его психику, которая была на грани срыва.

— Давай попробуем еще раз, я верю, что наша теория верна!

Чжан Чао и Чжан Юэцзюнь обменялись взглядами, в их глазах читалось беспокойство. Состояние учителя Вэня...

В этот момент.

— Бам!

Раздался звук падения тяжелого тела. Вэнь Сюэфэн без предупреждения схватился за живот и упал на пол.

— Вэнь Фэн! — Ма Вэньминь крикнула и бросилась к нему.

Чжан Чао и Чжан Юэцзюнь тоже сразу же бросили инструменты и бросились к нему.

— Чжан Юэцзюнь, позови медицинскую команду! — Чжан Чао подложил руку под голову Вэнь Сюэфэна и сказал Чжан Юэцзюню.

Чжан Юэцзюнь энергично кивнул и быстро побежал наружу. Он бежал так быстро, что чуть не упал, но его мозжечок сработал, и он избежал позорного падения.

Ли Чжэн в течение этого месяца был занят написанием статей.

Выпуск Баамисадина и карбапенемовых антибиотиков сделал лабораторию Ли Чжэна, названную в честь китайского ученого, временно самой популярной.

Но в этих двух научных достижениях личность Ли Чжэна была настолько яркой, что затмила саму лабораторию.

Для укрепления фундамента лаборатории и расширения влияния в биомедицинском круге несколько важных статей, опубликованных в авторитетных журналах, были крайне важны.

В течение этих трех месяцев Ли Чжэн систематизировал все данные своих последних научных проектов и написал несколько статей, посвященных антибиотикам.

<http://bllate.org/book/17704/1653527>